

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Барин, горничная и гувернантка

Барин, горничная и гувернантка.

В тот сентябрьский воскресный день я, со своей супругой и детками, собирался нанести визит вежливости своему соседу, помещику Барсукову. Дом в поместье нашем опустел — дворня была отпущена в деревню, навещать своих родственников, оставалась только гувернантка — мадмуазель Софи, у которой был сегодня выходной, да горничная Глашка. Крепостная Глашка была частью приданого моей жены, приехала с нею с другой губернии и родственников в деревне не имела.

За завтраком, я подумал о том, как хорошо было бы остаться дома. Ну его, этого соседа, раскормленный «барсук» — развалится в кресле после сытного обеда, и начнет рассуждать о ценах на овёс в нынешнем году. Его жена, расплывшаяся под стать своему мужу, будет преданно моргать поросычьими глазками. А дочка их перезревшая, Нинель, обязательно запищит после обеда у рояля романсы, развлекая гостей. Куда как лучше, наслаждаясь тишиной, подремать на диване, почитать «Петербургские ведомости». Уговорив супругу ехать без меня, я облачился в свой любимый халат, отороченный куницей, и действительно, безмятежно задремал в своём кабинете. Проснувшись через часок, я пошарил глазами по зелёному сукну письменного стола — газеты на нём не было. Ах, да, лакей мне сегодня приносил её в спальню. Придется подняться за ней, Глашку наверняка сейчас не дозовёшься, спит, наверное, или в саду семечки лузгает.

Поднимаясь по лестнице, я услышал из приоткрытой комнаты гувернантки, которая первой располагалась на втором этаже, сладостные женские стоны, то протяжные, то торопливые, но такие манящие. Было понятно, что мадмуазель не одна, нежные звуки почти не прерывались, стонала то одна, то вторая женщина. Я пораженно замер на середине своего пути, приятные мурашки побежали по моей спине. Как можно тише я подошел и остановился у приоткрытой двери.

То, что я увидел, поразила меня как громом. Посреди комнаты, широко расставив ноги на пушистом коврикe, стояла... Глашка с растрёпанной косой длинной чуть ли не до пят, одетая... в кружевное французское нижнее бельё — грацию, в которую с трудом помещались её здоровые титьки; и в прозрачные чулочки, туго обхватывающие её ядрёные ляжки.

Перед ней на коленях, задом ко мне, стояла совершенно голая черноволосая стройная француженка, вся в волнении и возбуждении она одной рукой отодвинула в сторону кружева грации между Глашкиных ног, а другой рукой лапала толстую Глашкину пизду.

— Ох, срам какой... но до чего ж приятно — со стоном, двигая жопой взад-вперёд, говорила Глашка — подожди, Софочка, я ноги пошире разведу.

Мадмуазель Софи не очень хорошо говорила по-русски, но всё понимала. После Глашкиных признаний о приятном, она убрала руку и в том же месте начала лизать похотливо охающую горничную. А я, глядя на этот разврат в моём доме, чувствовал, как закипает моя кровь, и трясутся поджилки. Низ живота обожгло приятным жаром, детородный член стал наливаться кровью. Через несколько мгновений мой вздыбленный хуй вырвался из распахнутых пол халата, и я стал поглаживать его, предвкушая огромное удовольствие.

Едрит вашу... , девки! Я внизу сплю, как сурок, и не подозреваю, что у меня под носом «парижский бордель». Что такое парижский бордель я знал не понаслышке.

Не в силах больше безучастно смотреть я скинул у дверей халат и шагнул в комнату. Глашка удивлённо-испуганно округлила глаза: я же должен быть у Барсуковых?! Понимая, что что-то не так, обернулась и мадмуазель, испуганно охнув. Но, тут же девки сообразили, что сейчас перед ними не рассерженный хозяин, а возбуждённый их игрой мужик, с огромной елдой, готовый их обоих как следует выебать. Мадмуазель уставилась на меня и затряслась-заохала как в лихорадке.

Что милая моя, небось у ваших мусью такой елды не увидишь... а-а-а... что ж ты делаешь бесстыдница. А бесстыдница обхватив обеими руками мой хуй начала его исступленно целовать, лизать, как только что Глашкину пизду, а потом стала отсасывать так, что мне пришлось взвыть на весь дом. Глашенька всё это время, опустившись на пол, опёршись на руку, сидела, смотрела и возбуждённо ахала. Гувернантка косила глазами в её сторону: учишь, дескать... Глашка не в силах больше выносить теории, придвинулась и стала теснить мадмуазель Софи, та уступила. Я прочнее упёрся ногами в пол, схватился обеими руками за свой хуй и направил его в Глашкин рот.

Сначала она неумело, как попало елозила языком. Видя, что от этого моё возбуждение спадает, мадмуазель стала шептать что-то Глашке на ухо... видимо рекомендации, потому что дело сразу пошло на лад — я стал ощущать себя Геркулесом, способным сдвинуть горы. Половицы подо мной заходили ходуном. Француженка, зайдя сзади Глашки, начала стягивать с её разгоряченного тела грацию. «Небось, боится, что замараем её французские кружева» — подумал я, все же с удовольствием наблюдая за этим раздеванием.

Не желая, чтобы моё удовольствие закончилось очень быстро, я отстранил увлеченную Глашку, велел обоим забраться на постель и встать раком, жопами ко мне. Когда-то в Париже, во времена бурной молодости, я так по пять шлюх за раз выёбывал, а уж этим двум развратницам я задам жару.

Две истекающие похотью пизды были передо мной, две распаленные донельзя бабы. Какую удовлетворить первой?

Проявив своеобразный патриотизм, я начал ублажать Глашку...

Ёб-ёб-ёб-ёб-ёб — хлопали мои яйца по её промежности

— Ох, барин... ох, барин... ох, что ты вытворяешь... ох-х, сильней давай... ох-х, пизда моя... хорошо то ей как... — в такт этим поёбываниям причитала Глашка.

«Погоди девка, то ли ещё будет» — подумал я, и, не прерывая ебли, стал осторожно засовывать указательный палец в её жопу, и наяривать колечко ритмично сокращающейся сраки. Глашка сразу же стала исступленно биться подо мной и замычала с надрывом, протяжно, как недоеная корова... Потом размякла и рухнула на постель, похоже теперь желая, чтобы её оставили в покое...

Мадмуазель всё это время терпеливо стояла раком, лаская себя одной рукой между ног.

— Ну что, дождалась, развратница французская — с этими словами я воткнул свой распалённый хуй в её узенькую пиздёнку.

— А-а-а-а — сразу зашлась в крике француженка. Потом, глубоко вздохнув, стала насаживаться на мой хуй, умело сокращая внутри себя сладкие створки своей письки, всё быстрее и быстрее ускоряя ритм. Да где ж ты так научилась, шлюшка — думал я, почти теряя сознания от удовольствия — да ещё и Глашку развратила.

Уьи-уьи-уьи — повизгивала подо мной как поросёнок мадмуазель, что на их языке всего лишь означает «да-да-да». От этого поросьячьего визга я не в силах был больше терпеть —

заорал, заохал, затрясся, щедро орошая отечественным семенем французские недра...

Повизгивания мадмуазель в это время перешли в иступлённые крики, которые раздавались наверное на весь дом. Когда она затихла подом мной, я осторожно вытащил из её мокрой пизды свой обмякший хуй...

Упав в рядом стоящее кресло, я некоторое время, сидел с закрытыми глазами. Всё тело охватила приятная истома, лень пальцем шевельнуть. Какой же я молодец, что не поехал к Барсуковым...

Со стороны кровати стала слышаться возня, смешки, оханья... опять слышались волнующие меня стоны. Я открыл глаза и стал наблюдать за ненасытными девками. Лежали они в знакомой мне по парижским борделям позе «а ля французский поцелуй», и не спеша вылизывали друг другу пиздёнки, выгибаясь и извиваясь от наслаждения. В Париже, на моих глазах это делалось так часто, что уже и не впечатляло меня, но тут изящная молодая француженка ласкает прелести ядрёной русской девахи, а та, старается задрать повыше свои ноги в ажурных чулочках...

«Да, девки, от вашего баловства и пень зашевелится» — подумал я, вставая и направляясь к грешному ложу. Оторвав мадмуазель от горничной я поцеловал её в сочные влажные губки, она ответила на мой поцелуй, потом просунула свой язычок в мой рот... То, что этот язычок только-то побывал в Глашкиной раскаленной пизде меня особенно возбудило. Парижские шлюхи приучили меня к мысли, что надо любить всё женское тело. Не переставая ласкать друг друга языками, я уложил её на спину, потом встал на колени у края кровати, закинул её ноги себе на плечи. Её зад слегка приподнялся, разёбаная уже мной один раз пиздёнка была как на ладони. Не в силах больше терпеть, я схватился за свой хуй и, медленно, чтобы продлить удовольствие, стал вводить его в пульсирующее лоно красавицы. Глашка, подседа как можно ближе стараясь не пропустить ничего из нашей ебли. Поглаживая свои крутые разгорячённые бока и тиская свои титьки она смотрела как мой любовный кол то выходит из тугой французской письки, то опять погружается в неё... то выходит, то погружается... то выходит, то погружается.

О, о, о... то, что Глашка видит нашу еблю, возбуждало меня не меньше самой ебли.

Горничная, мечтающая побыстрее оказаться на месте гувернантки, поняла, что ей быстрее достанется, если помочь мамзели забраться на самый верх блаженства. Для этого Глашка, своей пышной раскормленной жопой, села на её приятно округлённые груди, лицом ко мне, поддалась чуть вперед, положила свои мягкие руки на самый низ живота француженки и большими пальцами начала массировать самое основание её пизды, где у каждой женщины заветный бугорок, распаяя который с бабой можно творить всё что угодно. Это подействовало сразу — бёдра красотки стали сильно сокращаться, она быстро и прерывисто задышала, раскинув руки, схватилась за простыни, начала сильнее и сильнее подмахивать мне, и в самый остро-невыносимый миг наслаждения закричала по-русски:

— Еби, еби меня, кобель.

«Ого, знать Глашка и ты чему-то научила француженку» — подумал я, наращивая темп по просьбе дамы, неистово махающейся со мной. Глашка, сделав своё дело, слезла с мамзели и не в силах справиться с собой, откинулась навзничь и стала лапать себя между ног. Сладкие стоны наполнили не только эту комнату, но, похоже, и весь дом. Вскоре почувствовав, что тоже вот-вот достигну пика своего наслаждения и вспомнив свою парижскую молодость, я схватился обеими руками за хуй, вынул его из уже расслабленного лона, и иступлённо драча,

слил на грудь и животик мамзели наверное пол ушата семени. Глашка, привстав, удивлённо приоткрыла рот, наблюдая, как француженка, с блудливой улыбкой на лице, полузакрыв глаза, стала, как самый драгоценный парфюм, медленно размазывать по своему телу моё семя, втирая его в сосочки, животик, бедра. Я сам был не в силах оторвать взгляд от этого чарующего действия. Приятно, когда твоё семя принимают как драгоценный дар. Какая же она была довольная в этот момент. Весь её облик говорил одно — я только что очень хорошо поебалась.

Потом она встала с постели и с извинениями скрылась в туалетной комнате, вскоре оттуда послышался плеск воды, а над моим ухом возбужденно задышала Глашка, касаясь меня своими большими титьками:

— Барин, не вмоготу мне уж... давай теперь меня...

Я повалил Глашку на кровать, подмял её под себя и, пользуясь отсутствием мадмуазель Софи, решил, прежде чем приступить к делу, допросить её с пристрастием — как же она, распутница эдакая докатилась до такой сладкой жизни.

— Ну, Глашка, отвечай своему барину как на духу, хорошо тебе с ней — я указал глазами на дверь туалетной комнаты.

— Ох, грех мой, но должна признаться, страсть как бывает хорошо, но с тобой сегодня во сто крат было лучше.

— А как же вы с нею снюхались?

— Барин! — взмолилась подом мной Глашка, стараясь раздвинуть ноги и сильнее прижаться ко мне

— Отвечай, буду на тебе бревном лежать, пока не сознаешься — строго сказал я, вжимая Глашкино крепко сбитое тело в перину, хотя моё желание уже нарастало с новой силой.

— В начале лета, всё началось — сказала Глашка, — почти сразу как она в этом доме появилась. Стала я замечать, что она подолгу смотрит на меня, вздыхает от чего-то. Затем в свою комнату стала приглашать, красивое нижнее бельё показывать, потом его примерить просила и очень волновалась при этом. Я сперва не соглашалась, но и мне становилась волнительно... Однажды поддалась я на уговоры и одела кружевную рубашу — пеньюар называется. Мамзель ходила вокруг меня, ахала восхищённо, а потом гладить руками стала мои плечи, титьки, живот и... ниже живота. И при этом говорила разные срамные нежности о том, какое у меня всё красивое. Я как замороженная стояла, ничего с собой поделать не могла. Мамзель Софи сказала, что я бы в Париже имела большой успех.

Потом мы вот на эту кровать легли, лицом друг к другу, стоять-то я больше была не в силах. Мамзель по-прежнему обнимала и гладила меня и рассказывала, как она любила в своём Париже не только с мужиками, но и с бабами. Всё подробно рассказывала, хоть и язык наш коверкала, но довела меня до такого иступления, что я сама к ней прижиматься начала.

— Дальше — потребовал я, стараясь, лежать неподвижно, чтобы горничная не ощутила, как вздыбился от её рассказа мой хуй.

— Барин, помилуй, срам один...

— Глашка, не ерепенься, а то самолично на конюшне выпорю. Я между вами уже такое видел...

— Поняла мамзель, что дошла я до белого каления и лежу перед ней мягче воска, и начала мне поднимать подол того самого пеньюара, а другой рукой между ног гладить, от коленок и выше, выше. «Подними ножку, Глашенька» — шепчет она мне, а сама тем временем уже мою

пизду невыносимо приятно гладит.

— А ты, что — спрашиваю, стараясь справиться со своей похотью.

— А я — говорит Глашка, поняв, что я разохотился как крол-самец и распалая меня ещё больше, — всю её руку своими выделениями пообпускала. Видя такое дело, она раздела меня полностью, с себя платье стянула и давай меня всю обцеловывать и облизывать, а как до пизды дошла, так я сразу такую бурную приятность ощутила, сначала в самой пизде, а потом и по всему телу, что перед глазами всё поплыло. С той поры она пообещала научить меня всем любовным тонкостям, чтобы уж какой мужик меня попробовал, во век не забыл. Была не была, подумала я, от бабы ведь не забрюхатишь... Не томи, барин, еби, не в моготу уж...

Не одной тебе невмоготу, Глашка — успел подумать я, приподнимаясь, чтобы она ноги пошире развела. А дальше понеслось такое, что и описанию с трудом поддаётся — я навалившись на деваху всем телом, проёбываю её до самых печёнок, а она старается вздыбиться подо мной, беспрестанно охая. А мамзель, тем временем, выходит чистенькая, голенькая из туалетной комнаты и пристраивается сзади меня. Сначала своими миниатюрными ладошками гладит мой разгоряченный зад, а потом, припав к нему ртом, стала вылизывать его глубины языком, похоже, с большой охоткой. От этого я начал махать с тройной силой. Крики Глашки стали особо сильными, пронзительными, её сведенное судорогой, в сладкой муке, тело бросило в пот, по лицу пошли красные пятна, дышала она как кобылка, которая галопом отмахала вёрст двадцать без остановки. От нашей тряски задрезбуждали на туалетном столике флакончики с духами мадмуазель.

Кровать нещадно под нами заскрипела и стала давать крен, но я не в силах был остановиться, даже под страхом развалить ложе в комнате гувернантки. Мои крики слились с Глашкиными, находясь на пике блаженства, я ощущал себя мощным ураганом, способным всё снести на своём пути. Задыхаясь в острых сладких муках, я начал извергать семя в Глашеньку, ещё и ещё, дивясь количеству потоков — пусть Глаша понесёт от меня, я хочу, что от меня родила эта ядрёная русская деваху, если надо, я буду ебать её для этого каждый день...

Кровать выдержала, хотя и заметно накренилась. Я лежал на ней ничком в изнеможении, обняв двух, тоже обессиливших, девок, с трудом веря в то, что только что произошло со мной и с ними в этой комнате. В сладком туманном бездействии прошло около четверти часа.

Внезапно со стороны улицы послышался шум колёс, затем стали слышны голоса — то вернулась жена с выводком. Наказав девкам быстро одеваться, я выскочил за дверь.

Подобрал свой халат и, спускаясь с лестницы, стал в него облачаться, с трудом попадая в рукава. Я успел выйти на крыльцо, прежде чем домочадцы проникли в дом.

Подхватив любезную супругу под локоток, я направился с нею в сад, галантно интересуясь, как моё семейство провело время у Барсуковых. Жена начала рассказывать о том, какой замечательный был обед (подавали аж три кулебяки с разными начинками) и как чудно пела Нинель свои романсы. Усадив супругу на садовую скамью, я, с любезной улыбкой, слушал её в пол уха, а сам в это время думал о том, какой бы повод поскорее найти, чтобы рассчитать гувернантку. Не может же эта развратница моих детей воспитывать.

Впрочем, в накладе она не останется. Быть содержанкой щедрого русского барина тоже совсем неплохо.